

Сергей Куцевол
черная кровь

Сергей Валентинович Куцевол

Черная кровь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48896426

ISBN 9785005094711

Аннотация

В двери домов старой Англии стучатся новые технологии, а с ними и новые преступления. Наши герои оказываются в непростой ситуации, из которой, казалось бы, нет выхода. Под силу ли им справиться с темной стороной нового мира? Вы можете узнать прямо сейчас!

Содержание

Убийство на ферме Вандерландов	5
Залп!	20
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Черная кровь

**Сергей Валентинович
Куцевол**

© Сергей Валентинович Куцевол, 2019

ISBN 978-5-0050-9471-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убийство на ферме Вандерландов

Время было вечернее, я зажёл в доме свечи, чтобы наполнить его светом. Электричество было ещё роскошью, а моё финансовое положение не позволяло столь дорогое новое изобретение. Пользовались этой диковиной только зажиточные граждане нашего города. Люди из этой категории давно позабыли такие предметы, как керосиновые лампы и свечи.

Дом у меня не то чтобы большой, но и не маленький. Два этажа, пара комнат, гостевой зал и подсобка. Достался он мне в наследство от дяди, который имел в городе Кай-фил небольшой бизнес, приносящий доход выше среднего. Ему хватало денег содержать наше родовое гнездо и жить безбедно. Подавляющая же часть граждан едва сводила концы с концами. Сам я приехал сюда с целью продать одну из коллекций дорогостоящих вещей, которые остались от дяди, на вырученные деньги подремонтировать дом и вложиться в бизнес, попробовать встать на ноги, как когда-то сделала моя семья. К сожалению, после смерти дяди его дело перешло в руки конкурентов. Что означало для меня только одно – придётся начинать с нуля.

– Сэр Артур, не разрешите ли вы нам покинуть вас сегодня? – обратился ко мне дворецкий, который начал служить тут ещё у моего дяди.

– Конечно, Престон, можете отправляться по своим де-

лам.

Престон, как и ещё пара человек из прислуги, работали на моего дядю и после его смерти могли бы и покинуть дом, но они оказались людьми честными и, как только дом приобрёл нового хозяина в моём лице, попросились остаться на время. Выяснилось, что дядя заплатил им жалованье за несколько месяцев вперёд, и они решили эти месяцы отработать уже на меня. За что я был им очень признателен, ведь их помощь в содержании дома была просто неоценима.

Стоя у окна, я наблюдал, как прислуга грузится в телегу и готовится к отъезду. Сегодняшнюю ночь мне предстояло провести одному. Сложилась такая традиция, что раз в год все граждане ближайших районов съезжаются в город Кай-фил на ярмарку, и моя прислуга тому не исключение. На ярмарке, кроме веселья, полным ходом идёт распродажа разнообразных вещей, которые пригодятся в быту; к тому же фермеры привозят свой урожай на реализацию и его можно приобрести по бросовым ценам. Так что в этот праздник многие люди закупаются продуктами под завязку, поскольку уже на следующий день цены на эти же товары поднимутся в два, а то и в три раза. Когда моя прислуга вернётся с ярмарки, мы пополним свои запасы на несколько месяцев вперёд, при этом сэкономив бюджет, а сейчас это очень важно для нас. Сам я не езжу на праздник: и хотелось бы побывать там, но не переносу дальней дороги, ведь путь до города не близкий, на него уходит вся ночь. И это если повозка

в пути не сломается, что вполне возможно с нашей дорогой, единственной в округе, которая соединяет наш район с городом.

– До скорой встречи, сэра Артура, – крикнул мне Престон, помахав рукой, и уселся в повозку. Я всё ещё стоял у окна и наблюдал, как телега тронулась с места и отправилась в долгую дорогу на ярмарку.

За окном наступила ночь, луна скрылась за тучами, и улицы погрузились в темноту. Налив себе кружку горячего чая, взяв из серванта печенье, я поднялся наверх, в свою комнату. Разжёг камин и удобно уселся в кресло, в котором частенько провожу свои вечера за чтением книг и выкуриванием трубки перед сном. Подкинув ещё немного дров, я подвинул кресло ближе к очагу, чтобы согреться. Сегодня было прохладно. Прикрыв глаза, я откинулся на спинку и вслушался в тишину, ощущая, как комната наполняется теплом. На улице завывал ветер, раскачивая ветви деревьев и донося шелест листвы. По крыше стучал лёгкий дождь, его звук было отчётливо слышно благодаря железной кровле, дрова потрескивали в камине, а где-то недалеко лаяли собаки, возможно бродячие, а может, и домашние. Нынче держат питомцев только те, кто может себе это позволить. Как я уже говорил, времена были тяжёлые, бедность и голод властвовали на улицах. Из леса, что рядом с моим домом, слышалось бурканье совы, которая вышла на охоту в поисках живности. Закурив трубку, я встал с кресла, подошёл к окну и при-

открыл его, чтобы проветрить комнату перед сном. Сквозь темноту мне удалось разглядеть мой покосившийся забор возле канавы, колодец и даже ведро, которое стояло под лавочкой. Докурив, я закрыл раму и встряхнулся от мерзкой прохладной погоды.

Как хорошо, что я в доме, в тепле. Стоит только посочувствовать тем, кого застала эта ночь на улице или кто по долгу своей службы находится в патруле, невзирая на погодные условия.

Неожиданно мои мысли прервал шум из холла. Кто-то тяжело стучал в дверь. В голову первым делом пришла мысль, что это Престон, мой дворецкий. Возможно, в пути сломалась телега и ему необходим инструмент для её починки.

– Иду, иду, секундочку! – крикнул я, спускаясь в холл.

Всё это время в дверь продолжали настойчиво стучать. Когда же я оказался на первом этаже, стук прекратился. Я подошёл к парадной двери и, открыв засов, распахнул её. На улице никого не было. Видимо, незнакомец не дождался меня и покинул владения, решив, что хозяйева уехали на ярмарку или уже спят. «Ну что же, бывает», – подумал я и закрыл дверь. Почти поднявшись обратно на второй этаж, я вновь услышал стук. Вероятно, гость не успел всё же далеко уйти от дома и увидел, как я вышел на улицу. Быстро спустившись вниз, чтобы не заставляя его ждать, я отпер дверь в надежде увидеть своего таинственного незнакомца. Во дворе опять никого не было. По телу пробежали мураш-

ки, меня охватила тревога. Закрывшись опять на засов, я сел на лестницу и стал наблюдать за входом. Вдруг сильные удары по двери возобновились. Медленно подойдя, я осторожно приоткрыл дверь, не снимая с предохранительной цепи. Было жутковато и непонимание происходящего усугубляло ситуацию, наводя больший страх. Опять перед дверью было пусто, ни одной живой души! «Кто в столь поздний час решил шутить?!» – подумал я, Затушив свечку в холле, я встал у окна и начал наблюдать за крыльцом, чтобы увидеть шутника. Лучше бы я этого не делал! Меня охватил озноб, спина взмокла, всё тело тряслось от страха. Попытайся я сейчас связать два слова, ничего бы у меня не вышло. Стоя у окна, я отчётливо видел, что на крыльце никого нет, но стук в дверь вновь начался и теперь уже не прекращался! От шокового состояния меня отвлёк новый шум: недалеко от дома послышался скрип колёс и цоканье копыт. Всмотревшись в темноту, я разглядел приближающуюся повозку. Таинственный стук в дверь прекратился. Накинув плащ, я выскочил на улицу.

Извозчик остановился у забора возле калитки, где по столбам, образуя арку, вился дикий плющ. Дверца распахнулась, и из экипажа выпрыгнул небольшого роста человек. Выглядел он довольно забавно: круглое тело с такой же круглой головой, лысина на макушке и очки в тёмной оправе с толстыми линзами, висящие на длинном носу. Держались они благодаря резинке, которая скреплялась, огибая его че-

реп. На фоне экипажа, запряжённого парой лошадей чёрного окраса, человек выглядел совсем маленьким.

– Доброй ночи, мистер Артур Джонс! – воскликнул он, увидев меня.

– И вам доброй, простите, как вас звать? – поинтересовался я, радуясь приезду гостя.

– Инспектор Монз к вашим услугам.

– Очень приятно, чем могу помочь?

– Ну что же вы так официально, не стоит, я надеюсь на нашу дальнейшую дружбу. Как ваши дела?

– Вполне нормально, а у вас?

– Тоже неплохо. Послушайте, я тут на рынке сегодня слышал, что у вас хотят купить дом, это правда? – поинтересовался он.

– Да, ваш слух вас не подвёл, были предложения, но я отказал.

– Чего же так? Насколько мне известно, вам предлагали крупную сумму. В наше-то тяжёлое время это просто подарок на голову.

– Видите ли, инспектор, этот дом для меня имеет большую ценность, здесь проживали несколько поколений моей семьи, было бы безалаберно с моей стороны нарушить данную традицию и предать память своих родственников.

– Возможно, вы и правы, мистер Артур. Кстати, между прочим, я тут слышал, что собираются строить мост через реку, он будет самым длинным по протяжённости во всём

мире. А когда построят, сюда хлынут люди разного статуса, и чиновники, и богачи.

– На что вы намекаете, инспектор?

– Я к чему это говорю, я сам живу тут недалеко, и у меня собственный дом, так вот, я планирую его продать, когда построят мост, и уехать к чертям из этого прогнившего места. Вот и вам советую поступить так же, вы не представляете, насколько здесь опасно, каждый день одни трупы, разбой и прочий ужас.

– Спасибо, мистер Монз, за совет, я обязательно подумаю об этом, – ответил я. – Когда закончится строительство моста, город и ближайшие районы не только оживут, их захлестнёт волна торговли. Разнообразные лавочки, предприятия, новые чиновники и статусные люди.

– Вот и правильно, мистер Артур, а теперь давайте к делу, вы же не думаете, что я просто так заехал к вам посреди ночи?

– Да, конечно, с чем пожаловали, инспектор?

– Дело вот в чём, тут у нас произошло происшествие недалеко от вас: на ферме Вандерландов мы обнаружили тело констебля.

– Какой ужас, инспектор! Что произошло?

– Алфорд, так звали нашего сотрудника, его зверски убили, и явных следов преступника не обнаружено.

– Алфорд – это который и был полноправным хозяином той фермы?

– А я смотрю, вы в курсе дел. Да, вы правы, с недавних пор во владение фермой вступил он. Так вот, наши сотрудники уже работают по этой территории. Идёт полным ходом поиск преступника, но вы должны понимать, что такой объём работы нам не под силу закончить с парой десятков констеблей за короткий промежуток времени.

– Да, конечно, но что требуется от меня?

– В целях безопасности прошу вас запереться в доме, на непредвиденный случай зарядить ружьё и ни при каких обстоятельствах не открывать дверь неизвестным людям. А в случае чего свистите вот в этот свисток. На улицах сейчас дежурят констебли, и хоть один обязательно да услышит.

– Благодарю вас, мистер Монз, за то, что беспокоитесь за меня.

– Не стоит, мистер Артур, я выполняю свою работу.

– Инспектор, я тут подумал, может, вам это будет полезным. Так вот, до вашего визита в мою дверь несколько раз стучали, а когда я подходил, чтобы встретить незнакомца, на крыльце уже никого не было.

– Мистер Артур, не стоит так переживать, мой опыт мне подсказывает, что это сорванцы балуются. Хорошо, что они решили шутить, а не залезть в ваш дом и что-нибудь утащить. Сейчас такое время, у нас в управление только и успевают поступать жалобы на хищения ценных вещей из домов. Тащат всё подряд, от картин и ваз до серебряной посуды. Прощайте, мистер Артур, мне нужно спешить, – сказал ин-

спектор, залезая в повозку.

– Возможно, вы и правы, – согласился я, наблюдая, как экипаж тронулся.

Сидя в кресле у камина, я уже не думал о сне. Меня не отпускало тревожное чувство, которое поселилось во мне с момента инцидента с дверью. А теперь оно ещё и усилилось благодаря знанию об убийстве, о преступнике, который ещё на свободе и может в любой момент наведаться в мой дом. Я зарядил ружьё и поставил его около кресла, бросив на столик мешочек пороха. Этого мне показалось недостаточно и из выдвижного ящика стола я достал револьвер дяди и положил на столик рядом с мешочком. «Лишним не будет», – подумал я. Не стану лгать вам, стреляю я плохо, по этой причине меня никогда не брали на охоту, дабы не распугал всю дичь. Прикрыв глаза, я вновь вслушался в тишину. Ветер уже затих, дождь закончился, даже собаки перестали лаять. Что не изменилось, так это потрескивание дров в камине и недовольное бурканье совы, доносящееся из леса. Вероятно, с охотой у неё сегодня было туго.

Привёл меня в чувство резкий звук разбившегося стекла. В доме было темно, дрова в камине догорали, оставляя за собой тлеющие угли, а из-за туч, которые закрывали луну, света было недостаточно, чтобы хоть немного осветить дом. Видимо, я заснул. Сердце заколотилось быстро, мурашки пробежали по спине, меня охватил страх перед неизвестным. Мою голову в ту же минуту наполнили неприятные мысли:

вдруг это преступник, а может, вор? что будет со мной и что делать? С трудом осилив мысли и оттолкнув их на задний план, я заставил себя поверить в то, что это прислуга плохо закрыла окно, когда проветривала одну из комнат. А сейчас его всего лишь выбило резким порывом ветра, из-за чего не стоит так волноваться. Несколько минут, ожидая пока зрение немного привыкнет к темноте, я сидел в кресле и смотрел в плохо освещаемый проём, который выводил из моей комнаты в узкий коридор. Ружьё! Его нет! Быстро ощупав столик, на котором должен был находиться револьвер, его я также не обнаружил. Ужас охватил меня полностью, с дрожью в ногах я привстал с кресла и побрёл тихонько в направлении коридора. Медленно ступая шаг за шагом, я вслушивался и всматривался в темноту.

Мой крик взбудоражил дом, каждую его комнату, каждый его угол, эхом проносясь по всему владению. На моё плечо кто-то, кто находился в данный момент за моей спиной, положил холодную огромную руку с длинными пальцами. Каждым сантиметром кожи я ощутил неприятное прикосновение и бросился бежать вперёд по коридору, сбивая на пути вазы с тумб. Чуть не упав, ударившись об одну из них, я краем глаза заметил позади себя длинный худощавый силуэт. Он, не отставая, двигался за мной. Не удержав равновесие на лестнице, я кубарем скатился вниз и сильно ударил ногу. С болью, прихрамывая, я выскочил на улицу и забежал в сарай, который находился рядом с домом.

Мне было тяжело с собой совладать; сбивчивое дыхание, быстрое биение сердца и стук крови в висках не давали мне сосредоточиться. Меня окружало пустоватое пространство с запахом заготовленного сена и прогнившими стенами, на полу были разбросаны инструменты, а у входа на стене висел моток колючей проволоки. Сквозь щели в крыше пробивался слабый свет ночи. Дверь в сарай заскрипела, и в проёме показалась тёмная фигура, её рост достигал двух метров. Крупные глаза блестели и смотрели на меня как на добычу. В шоковом состоянии я наблюдал, как существо начало движение в мою сторону, с каждой секундой приближаясь всё ближе и ближе. Когда оно оказалось на расстоянии вытянутой руки, я почувствовал вонь от его дыхания, запах был настолько мерзким, что хотелось просто перестать дышать. Оно схватило меня за голову своей рукой и начало поднимать. Недюжинная сила оторвала меня от земли. Безуспешно цепляясь ногами за землю, пытаясь предотвратить наихудшее развитие событий, я наткнулся на черенок какого-то инструмента. Схватив его, я успел замахнуться и нанести удар в голову своему противнику, который буквально через пару секунд пошатнулся и упал. Я хотел было кинуться бежать, чтобы оказаться подальше от этого сарая, от этого существа, но оно неожиданно схватило меня за ногу и повернулось ко мне. Я замер, всё тело сковало: на лице противника отсутствовали рот и нос! Обезображенная кожа, стянутая на черепе, и два глаза – и всё! Большой мерзости мне не доводи-

лось ещё видеть, что это такое, ответа я не находил. Отойдя от оцепенения, я замахнулся ещё раз, потом ещё и ещё, и так нанёс с десятков ударов по противнику, пока не пришёл в себя. Враг был повержен, он лежал на полу и не подавал признаков жизни. Глянув на предмет, которым наносил удары, я ощутил свободу, безопасность, спокойствие. В руках был топор и после стольких ударов мой обидчик уже точно не встанет. Пытаясь вытереть руки от крови об одежду, я медленно пошёл к дому...

На крыльце меня разбудили два констебля. Уже наступило утро, первые лучи солнца начали нагревать воздух, птички чирикали, казалось, будто ничего и не произошло, не было ни этой ужасной ночи, ни моего преследователя, но моя окровавленная одежда говорила об обратном, напоминая последние ужасные минуты, которые меня сильно напугали и заставили не на шутку взволноваться за собственную жизнь. Констебли оказались грубыми, без всяких вопросов они заломили мне руки, надев наручники.

– Что происходит? Какого чёрта?! – с возмущением спрашивал я, не понимая простейшего, что сотрудникам неведомо, кто на самом деле жертва. Они просто молчали, волоча меня к своей повозке.

Оглядевшись по сторонам, я вновь наполнился тревогой. Непонимание происходящего вселилось в разум: это был не мой дом, не моя земля! Паника засела глубоко в моём теле, в моей голове, глаза забегали, лицо побелело.

– Где я? Что я тут делаю? – продолжал я спрашивать, переходя на крик.

– Заткнись! – ударив меня в область почек, приказал один из констеблей.

Оглянувшись в сторону сарая, где закончилась моя худшая ночь, я увидел выходящего оттуда инспектора. Тут же я ощутил радость, увидев знакомое лицо.

– Инспектор Монз! Это я, Артур Джонс! Прикажите меня освободить, это недоразумение! – восторженно кричал я своему вчерашнему гостю, надеясь, что он сейчас во всём разберется.

Инспектор удивлённо глянул в мою сторону и велел сопровождающим меня констеблям подождать его.

– Мы знакомы? – спросил Монз, рассматривая меня с ног до головы. Его вопрос меня поставил в тупик. – Кто вы?

– Инспектор, это же я, Артур! – ответил я в недоумении.

– Простите?

– Мне не до шуток! Вы вчера ко мне приезжали! Какого чёрта?! Мы с вами знакомы! – повысив голос, ответил я, смотря в глаза Монза, пытаясь понять, что происходит.

– Не стоит кричать, сэр. Судя по документам, которые мы нашли у вас, пока вы спали, ваше имя Артур Джонс. Верно?

– Да, – прошептал я, начиная замыкаться в себе.

– Так вот, Артур Джонс, не стоит из себя разыгрывать больного человека. Поверьте, вам это уже не поможет. Вы знаете, что в сарае?

– Мёртвое тело, – спокойным голосом ответил я.

– Верно, это тело констебля, которого вы убили. Вы так переусердствовали, что от его лица мало что осталось. На месте мы обнаружили орудие убийства, топор. На рукоятке обнаружена ваша кровь. Ну и вдобавок вы немало натоптали. Так что, уважаемый мистер Артур, готовьтесь к смертной казни, – сурово сказал инспектор, развернулся и пошёл обратно в сторону сарая.

Меня тем временем затолкали в повозку, и мы тронулись. Когда мы отъехали на пару миль, я глянул в окошко и увидел указатель, на деревянной дощечке была выбита надпись: «Ферма Вандерландов».

Тем временем в сарае.

– Инспектор, мы выяснили, кто не вернулся с дежурства сегодня, – сказал один из констеблей, стоящий рядом с инспектором.

– Кажется, я догадываюсь, кто это, – произнёс Монз, разглядывая тело.

– Это констебль Алфорд, инспектор. Но почему он не на дежурстве, а в своём доме?

– Этого нам, к сожалению, уже не узнать, – протирая линзы очков, ответил Монз.

Мёртвое тело Алфорда лежало всё в той же позе, как и в ту ночь, когда Артур убил своего противника. Сказать честно, констебль обладал высоким ростом, руки его были длинные,

как и пальцы. Он был прекрасным сотрудником, никаких жалоб, ответственен. Он был физически силён, превосходя всех, кто его знал. Многие им восхищались, когда он демонстрировал свою силу, приподнимая повозку перед зеваками или разрывая цепи от наручников. Он мог стать выдающимся спортсменом, но вместо этого пошёл работать на благо общества.

В этот момент в сарай зашёл помощник инспектора.

– Инспектор, вам стоит это увидеть.

Они прошли в дом и поднялись на второй этаж, аккуратно ступая через перевёрнутые тумбы и разбитые вазы. Помощник инспектора приоткрыл дверь в одну из комнат, и Монз вошёл внутрь. Вся комната была в тёмных пятнах, а пол в чёрной густой жидкости.

Залп!

Тяжёлым шагом я поднимался по лестнице в сопровождении конвоя, я арестант, которому удосужилось попасть в самую злосчастную тюрьму. Удары в спину не давали ни на секунду покоя, ноги не слушались, хотелось упасть, забыться, будто это ужасный сон. Всю дорогу стража издевалась, оскорбляла, в них не было ни капли сострадания. Они потеряли свой моральный облик, стали волками, одичав в своей темнице. Все на одно лицо, все в одной синеватой форме, со злобой в глазах. А ведь у многих из них семьи, каждый после смены идёт домой, в общество. Ах! Эти маски смерти, непоколебимости, полные эгоизма, с осками хищника! В другой жизни все, как один, ангелы с крыльями, жизнерадостные, заботливые, добрые. Но нет, это уже не те люди, которых знает семья, они двуличны. Зло, которое творят они тут, никуда не денется, оно таится внутри них.

– Лицом к стене! – приказал мне стражник, отпирая камеру.

Молчание и повиновение – залог остаться живым, это я понял сразу, когда увидел, как наказывают одного из новеньких, прибывшего со мной. На всеобщее обозрение его избивали в просторном коридоре, чтобы каждый мог лицезреть и слышать стоны страдающего. Из-за обычной мелочи он останется теперь инвалидом на всю оставшуюся жизнь: раб

посмел перечить царям в их замке, за что и поплатился; такова участь каждого, кто возжелает проявить себя в этих стенах. Меня запихнули в камеру и заперли наедине с самим собой, со своими страхами и несбывшимися надеждами. Моим окружением стала темница с облезлыми стенами, ржавыми решётками и людьми, от которых отвернулось общество.

– Кто такой? – грубым голосом спросил подошедший надзиратель.

Он был не из простых сотрудников, выделялся из общей массы. У него была тёмного цвета роба, желтоватый ремень на поясе и две полосы на рукавах рубахи в районе кисти, которые, видимо, обозначали его должность. Это был заместитель начальника тюрьмы. Он частенько расхаживал по коридорам с высоко поднятой головой, в гордом одиночестве. Хитрый, опасный человек, на первый взгляд выглядел глупым солдафоном, но, поверьте, это большое заблуждение. Внешность этого человека могла бы быть обычной, неприметной, если бы не одно но – шрам на всю правую щёку и стеклянный глаз. Стать его врагом желающих не было, особенно среди заключённых, поскольку это грозило в лучшем случае увечьями.

– Артур Джонс, сэр, – ответил я, не желая навлекать на себя неприятности.

– Отныне у тебя нет имени, заключённый. Повторю вопрос, кто такой? – гневно переспросил он.

– Никто, сэр.

– Ты не просто никто, ты опухоль на теле общества, понял?

– Да, сэр.

– Не слышу!

– ДА, СЭР!

– Кто ты такой? повтори!

– Я никто, я опухоль на теле общества, сэр!

– Молодец! – произнёс, насмехаясь, надзиратель и ушёл.

Вздыхнув, выгнав дурные мысли, я присел на пол, опёрся спиной о стену и от усталости погрузился в сон, в свободный мир, где нет места тревогам и страхам, насилию и смерти, в мир, в котором свобода...

Ночь пролетела незаметно, дав новых сил на очередной тяжёлый день взаперти. С самого раннего утра всех заключённых обходила стража; тех, кто ещё спал, зверски избивали; а тому, кто ещё и пытался противиться режиму, доставалось сполна. Его бросали в холодный, сырой, пропитавшийся трупным запахом подвал. Это небольшое помещение без света и какихлибо удобств наводило ужас на всех обитателей тюрьмы. По ночам не раз слышали, как кричат провинившиеся, а когда подвал «простаивал», что происходило довольно редко, слышались тихие стоны. Попасть туда боялись даже самые закоренелые, матёрые преступники, поскольку шансы выйти оттуда в своём здравии были весьма сомнительными. На днях там двое суток просидел убийца за нападение на охранника, который разносил нам завтрак. Сейчас же он

находился в лечебнице для душевнобольных. Поговаривали, что он разучился не то что говорить, но и ходить, и выполнять простейшие движения. Его учили вновь держать ложку, читать и писать.

– **Заключённый!** Повернитесь лицом к стене, завтрак! – приказал подошедший стражник, достал поварёшку, засунул её в железный таз и плюхнул на пол камеры мою «трапезу». – Приятного аппетита! – пробормотал он, ухмыляясь.

Как вы уже поняли, отношение охраны к заключённым было ужасным, нам не выдавали посуды и никаких предметов первой необходимости. Умыться удавалось только, когда шёл дождь, и то, если тебе повезло и тебя выпустили во двор, обычно за это нужно было платить; ну а если у тебя не было денег и не было на свободе близких, кто мог заплатить, приходилось обрастать грязью и превращаться в дикаря. Завтрак, который мы получали, назвать продуктами питания было нельзя, это была некая субстанция зеленоватого цвета, с запахом протухших яиц. При употреблении данный продукт вызывал рвотный рефлекс и пищевое отравление. **Заклучённый**, прибывший сюда впервые, около недели не ел этого, но голод всё равно брал верх. Чтобы не испытывать рвотное состояние, я ел не дыша, глотая пищу: желудок должен работать и тут не до вкусовых качеств, иначе умрёшь. Можно было только догадываться, чем нас кормят, но мы привыкли не думать об этом, нужно выживать. Обед у нас не было, на ужин – кружка воды и ломоть плесневело-

го хлеба, который даже собаки не едят. Каждые сутки вывозили по нескольку трупов, это норма, статистика. Мы изгои, которые вычеркнуты из общества, чёрное пятно. Через пару часов всех погонят в шахты и на железную дорогу: идеология рабства бессмертна, а я останусь в своей камере, через два дня меня расстреляют за убийство. О случившемся я уже не думаю, суд признал виновным, значит, так тому и быть...

Солнце уходило за сопки, в воздухе повеяло прохладой. С улицы начал доноситься лай собак, это означало, что везут колонну заключённых с работ. Взглянув в маленькое окошечко в своей камере, единственной возможности общения с миром по ту сторону стен, я наблюдал, как в сопровождении стражей идут отряды измученных рабов. В них не было жизни; все, как один, склоняя головы от усталости и обезвоживания, шли в свои камеры, чтобы прилечь на прохладный пол, снять жжение от ударов плетью и отдохнуть от тяжёлых работ. В их глазах была одна пустота; люди, потерявшие веру и надежду, строем двигались в ад. Сломленные люди, знали ли они о том, что их ждёт? Что приготовила судьба? Конечно же нет, каждый отдал бы всё, чтобы вернуть время назад и исправить свои грехи, но мы не чудотворцы, и остаётся лишь смириться с такой жизнью. Из коридора слышались тяжёлые шаги колонны заключённых и противный скрип железной двери. Тюрьма вновь обрела жизнь, её поселенцы вернулись в свою темницу, с трудом ступая по коридорам, расходились по своим камерам. Некоторых заносили

уже без движения, все окружающие понимали, что это первые кандидаты на завтрашнюю трупную повозку, но бросить их не могли из-за человеческой, моральной стороны, независимо от того, кто и за какое деяние был осуждён. Тюрьма объединила нас, создала некую семью, в которой выживать нужно сообща, помогая друг другу.

– Отбой! Спать! – прокричал стражник.

Его крик эхом разнёсся по всей тюрьме. Наступила тишина, которую нарушали только шаги охранников, обходящих территорию, и лёгкий стон заключённого, находящегося по соседству.

– Мартин, ты в порядке? – поинтересовался я у своего соседа.

– Живой вроде, значит, в порядке, немного рука побаливает, потянул её, когда рельсы укладывали, – ответил он хриплым голосом.

Мартин – мой сосед по камере, осуждён за фальшивомонетничество. В молодости в кустарных условиях у себя на дому собрал из подручных средств монетный станок. Качество изготавливаемых им монет превосходило настоящие деньги, этот аргумент (который, конечно, прозвучал в суде иначе) в довесок к его аппарату и стал обвинительным приговором и доказательством вины.

– Скажи, ты передал кусочек хлеба нашей любимице?

– Да, Артур, она была в восторге! – ответил, радуясь, как ребёнок первому снегу, уже не молодой Мартин.

– Как она? Рассказывай! – с интересом начал я спрашивать своего друга о нашей подруге.

– Всё так же прекрасна, как цветок в чистом поле. У неё уже появился животик!

– Прекрасные новости! А как раны, зажили?

– Небольшие ссадины остались, но, в общем, всё хорошо.

– Жаль, я не могу её больше увидеть, ради этой встречи я готов хоть милую рельсовой дороги проложить, – сказал я, непроизвольно потянувшись и дотронувшись до губы рукой, вспоминая нашу первую встречу с улыбкой на лице.

– Да, она скучает по тебе, всё ходила возле работяг и смотрела на каждого, пытаюсь найти тебя.

– Я просил надзирателей, чтобы меня тоже вывели на работы, но, ты понимаешь, мне отказали, – радость немного приутихла, голова наполнилась печальными мыслями.

– Конечно, Артур, – ответил Мартин с сочувствием.

Вы, читатели, немного, наверное, в недопонимании сейчас, прошу прощения. Мы говорили о собаке, которая с моего первого дня на железной дороге прибилась к нам раненая. Мы незаметно для стражи начали ухаживать за ней, а она нас встречать и провожать каждый день. Мы все обрели общего друга, приносящего любовь и радость каждому заключённому; силы и надежду, чтобы выживать и бороться, верить в свободу. Как мало нужно, что-бы вновь почувствовать тепло в сердцах, увидеть искру и знать, что этот друг никогда тебя не бросит. Она стала нашим талисманом, и благодаря

ей многие продолжают жить. Но самым большим восторгом для нас стала новость, когда она пришла с животиком, в ней зародилась жизнь, которая скоро появится на свет в виде маленьких кутят.

– Заткнулись оба! – проревел проходящий мимо охранник.

Сквозь тишину донёлся стон из подвала, нас обуял холод.

– Ты это слышал, Мартин?

– Да, – ответил он с волнением.

– Чёртовы изверги, разве так можно поступать с нами, это бесчеловечно! – вполголоса сказал я.

– Им наплевать на нас, забыл, что ли, что тут одни преступники, состоящие из разного контингента?

– Это всё равно не даёт им права на такое обращение.

Слушай, Мартин, ты дольше меня тут, расскажи про подвал, с чего всё началось?

– Было это пару лет назад, одного из заключённых посадили в подвал за то, что он нелестно выразался о своём тесте: якобы, по его словам, именно он виновен во всех грехах, в которых обвинили его. Он кричал про наследство, которым тесть хочет завладеть, по правде говоря, наследство было немаленьким: конюшня с лучшими лошадьми, которые не раз приносили первые места на скачках, огромный загородный дом с электричеством и приличный счёт в самом элитном банке с фамильным названием «Гроуф-банк». Может, слышал о таком?

– Не припомню, если честно.

– Так вот, запер его в подвал лично наш заместитель начальника тюрьмы, на небольшой срок, около суток примерно. За всё это время он не промолвил ни слова. Ни криков, ни раскаяния, абсолютно никакого шума, что обычное дело для «гостей» этой комнаты.

– Смотрю, у тебя язык длинный, заключённый, может, тебе его укоротить? – рявкнул незаметно подошедший заместитель начальника тюрьмы, стукнув дубинкой по решётке камеры.

– Простите, сэръ, больше не повторится, – ответил Мартин надзирателю. Когда тот отошёл, он продолжил шёпотом: – Когда срок подошёл к концу, двери подвала открыли, но оттуда никто не вышел. Тогда стража приказала двум заключённым зайти внутрь и вытащить тело, они были уверены, что узник скончался. В чёмто они и были правы, но когда, к их удивлению, не вышли и те двое заключённых, тюрьму подняли по тревоге. В присутствии вооружённых констеблей несколько стражников зашли в подвал с лампами и так же, как предыдущие «гости», не вышли оттуда и не издали ни малейшего звука. Никто больше не желал подходить к подвалу, всех обуял страх перед неизвестностью, в воздухе повеяло смертью, вся тюрьма погрузилась в тишину, все взгляды были прикованы к загадочному помещению. Ни один из констеблей и стражников не приблизился к подвалу более чем на шаг, начальник тюрьмы стал кричать, что уво-

лит всех, потом, что выдаст премии добровольцам, но всё безрезультатно. Впоследствии было решено вызвать комиссаров из Скотленд-Ярда. Всё это время дверь в подвал была открыта и находилась под прицелом винтовок констеблей. По прибытии комиссаров всех заключённых вывели во двор, который строго охранялся; спустя полчаса в трупную повозку погрузили мёртвые тела и увезли. Что произошло, осталось тайной. Говорят, что один из комиссаров, который вошёл первым, выходил, с трудом держась на ногах, весь побледневший и бормоча что-то себе под нос. Вскоре после госпитализации он был уволен в запас. Вот так подвал получил репутацию весьма неординарную, загадочную, ужасающую обитателей нашего «нового дома».

– А почему его не закрыли? – спросил я Мартина, размышляя о том, что же там произошло.

– Ну, этого я тебе сказать не могу, тайна, покрытая мраком, – ответил мой друг зевая.

– Не хотелось бы мне оказаться на месте того, кто сейчас там. Б-р-р. Спокойной ночи, Мартин.

– И тебе...

Наступил новый день моего заключения, на улице было пасмурно, тучи затягивали небо и дул северный ветер, неся прохладу в наши края. Всё было как обычно, в тюрьме ничего не поменялось за ночь: завтрак на полу, крики мольбы очередного бедолаги, чтобы его перестали бить, и подготовка заключённых для работ – распределение, кого и на какие

места. Тяжело было осознавать, что завтра это утро станет другим, оно будет уже без меня, не будет этой отравленной пищи, не будет солнечных лучей, ни проказника дождя, застающего тебя врасплох, когда негде от него укрыться. Мир проснётся от ночи, и стрелки часов вновь пойдут своим чередом, не заметив, что исчезла пылинка на их циферблате. Смертная казнь была назначена на полпятого утра, и это будет конец моей жизни на этой земле. Смириться с этим невозможно, всё тело трясёт, знание о своей гибели убивает психологически, выдирая кусочки души ежесекундно, оставляя пустоту. День, который хочется, чтобы он никогда не закончился, каким бы он ни был, лишь бы дышать. Пусть это запах сырости, пусть это темница, главное – внутреннее ощущение жизни. Сегодня мне разрешили выйти во двор – в последний раз, будем называть всё своими именами. Я закрыл глаза и набрал полную грудь свежего воздуха. Вот она жизнь, как поздно это понимаешь, не можешь оценить её, пока не окажешься на краю пропасти об руку со старухой Смертью. Присев, я набрал в кулаки землю и сжал её, испытал приятное ощущение. Прохладная земля, она уже не воспринималась как грязь или нечто похожее, это был живой организм, всё, что окружало меня, дышало и жило в гармонии.

– Заключённый! Время прогулки окончено! Назад в камеру!

Я сидел без движения, прикрыв глаза и вспоминая дуно-

вение ветра, запах травы и журчанье ручьёв, своё весёлое детство, как с пацанами сражались деревянными шпагами, как обучался конной езде – всё, что напоминало мне о спокойной, неспешной жизни, которую никто не мог нарушить, пока не получил прикладом винтовки в затылок. Очнулся я в своей камере, голова немного побаливала. Я не сразу услышал, как из соседней камеры меня зовёт Мартин.

– Артур! Артур! Ты как там? Живой? – в его голосе слышались нотки волнения. Видимо, довольно долго я пробыл без сознания.

– Голова трещит, – с лёгким смехом произнёс я, ощупывая место, куда был нанесён удар.

– Ну слава богу, живой, я уже думал о худшем, – с облегчением сказал он.

– У меня шишка теперь на голове.

– Я тебя уже несколько часов кричу, что произошло? – продолжал спрашивать Мартин.

– Неудачно пригласил на свидание охранника, он отверг меня.

– Чего?

– Романтическая прогулка закончилась феерическим шоу.

– Артур, ты уверен, что с тобой всё в порядке?

– Со мной да, а у тебя как?

– Что у меня как?

– Который час, Мартин?

– Почти полночь, Артур, ты меня пугаешь.

– Прости, дурачусь просто.

– Нашёл время для шуток, – ответил мой друг и рассмеялся.

Его смех длился недолго, из коридора послышались быстрые шаги, приближающиеся к нашему крылу. Несколько пар ног спешно направлялись к нам.

– Ты их тоже слышишь? – спросил я с тревогой в голосе.

– Да, – ответил Мартин тихо.

В его голосе послышался лёгкий страх перед опасностью. Ничего хорошего эти шаги не предвещали. В коридоре показались четыре охранника, они твёрдой походкой подошли к моей камере и велели выйти.

– Что происходит? Куда вы меня ведёте? – спрашивал я в надежде получить ответ, но охрана была неразговорчивой.

Они закрыли камеру, надели на меня наручники и повели по слабоосвещённому коридору.

– Заключённый! Отойти к стене! – позади меня послышался голос заместителя начальника тюрьмы.

Оглянувшись, я увидел, как надзиратель и ещё пара стражников вошли в камеру Мартина и начали его избивать. Коридоры тюрьмы наполнились стонами боли, падальщики накинулись на беспомощную жертву, руководствуясь только им ведомыми мотивами. Тем временем меня завели в тусклое помещение.

– Лицом к стене! – приказал мне охранник.

На кистях щёлкнул затвор наручников, и руки освободились. Я огляделся, и по спине побежали мурашки: меня окружали серые стены, покрытые местами белой плесенью и мхом, запах сырости и кровавые пятна на полу. Мрачное помещение вызывало тревогу, наводило страх. На стенах висели факелы, свет с улицы с трудом пробивался через окна, покрытые грязью и пылью.

– Заключённый! Вон к той стене, живо! – продолжал командовать охранник, указав рукой на обсыпающуюся стену.

Я медленно приблизился к месту, куда мне велели подойти, и меня охватил ужас. На стене я отчётливо разглядел отверстия от пуль. Осознание происходящего пришло молниеносно: это конец, это место, где сейчас приведут приговор в исполнение. Но который сейчас час? Ещё ведь только полночь! В моей голове закрутились мысли, и я начал кричать.

– Вы не имеете права! Ещё не пришло время! – с надеждой на оттягивание казни голосил я. Пара часов жизни, дарованная законом, для меня стала дороже любых ценностей. Мой крик остановила охрана, нанеся несколько ударов в живот, после чего я упал на пол от боли, тяжело дыша. Это не остановило стражников, ещё несколько ударов их сапогами я ощутил сполна.

– Встать к стене! – прозвучал приказ, после того как они прекратили меня избивать.

Корчась от боли, я выполнил их требование. Стоя у стены, я наблюдал, как отряд с винтовками выстроился напро-

тив меня, начальник расстрельной команды начал давать им приказы, которые я уже не мог расслышать. В моей голове происходило чёртте что. Звон в ушах, потемнение рассудка, головокружение. Во рту стало сухо, в ногах почувствовалась слабость. Я закрыл глаза и приготовился к своей смерти.

– Оружие наизготовку! Целься! Залп!

Курки щёлкнули, наступила мёртвая тишина. Странное ощущение охватило меня, лёгкое, свободное, как пёрышко в небе, кружащееся в свободном движении по дуновению ветерка. Будто с меня спали цепи, приковывавшие к земле. Прекрасные чувства, в которых хотелось утонуть и остаться навсегда, наслаждаясь простотой неосязаемого мира. Но в каждом приятном есть своя доля горести. К сожалению, не успев насладиться чувством свободы, я расслышал смех, прорывающийся сквозь пелену моего состояния. Разносясь громко вглубь сознания, он, как диверсант, подрвал мой мост эйфории, разрушив его и заставив вернуться в реальность. Приоткрыв глаза, я понял, что всё так же стою у стены, живой и даже не раненый, а вся расстрельная команда ехидно насмехается надо мной. Упав на колени и закрыв лицо ладонями, я почувствовал, как горячие слёзы потекли по щекам. В голове ужасно гудело, а меня одолевало недопонимание своего состояния, вроде как несколько секунд назад я думал, что умер и был счастлив чувствам, которые ощутил, а с другой стороны, может, это слёзы радости, что остался жив? Из-за шаткого как физического, так и психического со-

стояния своими ногами я уже идти не мог. Охрана подняла меня под мышки и утащила обратно в камеру, бросив на пол.

– Не расслабляйся, заключённый, это репетиционный расстрел, через пару часов вернёмся, – произнёс грубо охранник, выходя из моей камеры.

– Не закрывай, подожди! – донёсся голос заместителя начальника тюрьмы, обращающегося к стражнику, который уже начал ковыряться в замке.

– Сэр, у него казнь через пару часов, я думаю, стоит дать ему отдохнуть.

– Твоё дело охранять, а не думать! – прокричал надзиратель на подчинённого, оглядывая меня.

– Да, сэр, прошу прощения, сэр, разрешите идти?

– Свободен, я позову, когда понадобится.

– Что вам нужно? – шёпотом спросил я надзирателя.

Он стоял в моей камере и гневно дышал.

– Пришёл попрощаться с тобой, – ответил заместитель начальника тюрьмы со злорадной улыбкой на лице. Он медленно приблизился ко мне, его руки потянулись к ширинке. – Готовься!

– Что вы задумали, сэр? Что вы делаете? – с тревогой наблюдая за его действиями, немного повысив тон, продолжал спрашивать я.

– Сейчас узнаешь! – разразившись смехом, ответил он.

– Прекратите! Вы не в своём уме! – разозлившись, начал кричать я на него, его действия были аморальными. – Вы

неадекватный человек! Прекратите! – продолжал я, но он ничего не слышал, он начал мочиться на меня!

Моему терпению быстро пришёл конец, найдя в себе силы, я набросился на него. Тот, пытаясь застегнуть ширинку, чтобы дать мне отпор, не успел отразить мою атаку, в лёгкой схватке мне не составило труда схватить его за шею со спины и откусить зубами мочку левого уха. Надзиратель, схватившись рукой за рану, начал вопить от боли, в коридоре слышалось быстрое приближение стражи, они вбежали в камеру и накинулись на меня. Вследствие всех этих действий я был избит до такого состояния, что мне не помешала бы помощь врачей, но вместо этого меня взяли за ноги и потащили из камеры по коридору.

– Как он его уделал хорошо, да? – начали диалог двое тащивших меня стражников между собой.

– Тише ты, если заместитель услышит, тебе мало не покажется.

– Он не услышит, не переживай, – ответил смеясь стражник, поправляя дубинку на поясе.

– Нашему заключённому повезло, что его казнят сегодня, страшно представить, что с ним было бы теперь.

– Казнил бы его тихо наш заместитель и делто, – произнёс любитель пошутить, повернув голову в мою сторону и посмотрев на меня.

– Не думаю, скорее, его точно ждала бы долгая, мучительная смерть.

– Это как?

– Жизни не дал бы ему наш заместитель начальника тюрьмы.

– Думаю, ты прав.

– Куда тащим его хоть?

– Подбитая пташка сказала в подвал, – ответил, вновь рассмеявшись, стражник.

– Прекрати, нам ещё тут работать. В подвал двоих же заперщено сажать.

– Того выпустим, а этого в подвал, и не обсуждается, сам же сказал, нам тут ещё работать.

– Как же меня это всё достало, – пробурчал недовольно второй стражник.

Дверь подвала отперли, и оттуда вышел Мартин. Он был сам не свой, глаза были пустые, словно стеклянные, всё тело дрожало. Он без остановки что-то бормотал себе под нос и периодически вскрикивал.

– Что бубнишь, зверь? – схватив за волосы моего друга, спросил стражник.

– Давай бегом в камеру, пока не передумали, – продолжил второй, толкая его в спину.

– Ну что, того забрасываем в подвал? – произнёс один из них, как только Мартина увели.

– Того – это которого? – в недоумении посмотрел второй стражник на своего «брата по оружию».

– Этого, понятное дело.

– Этого, того, это которого? – продолжил стражник, не понимая, что ему говорят.

– Того, который этот.

– Этот – это тот?

– Да нет, тот не этот, этот не тот, это тот, а тот этот, но не тот, как тот этот или этот тот.

– Чего?! – закричал стражник, его зрачки расширились, уши покраснели, в головной коробочке происходило неопи-сваемое бурление мыслей, готовое вот-вот через уши пустить струю пара.

– Повторить?

– Спасибо, нет, бросаем, короче, того, которого приказали.

– Так я о нём и говорил.

– Заткнись, – закончил их диалог стражник, которого за-ставили напрямч извилины.

Они подняли меня за руки и ноги, раскачали и забросили в темноту мрачного помещения, а затем захлопнули дверь. При приземлении на пол подвала я сильно ударился головой. Чтобы меньше ощущать боль, я закрыл глаза и погрузился в воспоминания...

...Стояло знойное утро, лучи солнца припекали тело, а тёплый ветерок обдувал лицо. Всем отрядом мы шли на ра-боты, поднимая ногами пыль с дороги, которая поднималась вверх густым слоем. Было тяжело дышать, по лбу стекали капли пота, в колонне слышался кашель. Это был мой пер-

вый день после заключения под стражу, нас вели на строительство железной дороги. По прибытии заключённым выдали инструмент, распределили по местам и дали норматив, который было невозможно выполнить даже за сутки. Меня и моего соседа по камере, тогда я ещё не был с ним знаком, поставили работать на отдалённый участок, отправив трёх охранников наблюдать за нами. Там мы получили необходимый инструмент и принялись за работу.

– Как тебя звать? – спросил меня мой напарник, вытирая пот с лица рукавом тюремной рубахи.

– Артур, а тебя как? – ответил я, закидывая лопатой гравий в небольшую тележку.

– Мартин, будем знакомы.

– Давно ты тут?

– Пару лет уже, а ты новенький у нас?

– Верно.

– Работаем и не разговариваем! – крикнул один из охранников, усаживаясь на полянке. Он достал фляжку с водой и поднёс к губам.

– Жарко, как же хочется пить, – проговорил я, наблюдая, как утоляет жажду стражник.

– Что ты делаешь?! – схватив меня рукой за плечо, эмоционально спросил Мартин.

– Да вроде ничего.

– Не смотри на него, это чревато последствиями, – продолжал он, оберегая меня от беды, пытаясь отвлечь моё вни-

мание, прикованное к стражнику.

– Какими?

– Ты себе только хуже делаешь, дразнишь организм, нужно беречь силы, иначе не выживешь. Ну и если тебе не нравятся песок на вкус, лучше работай и не отвлекайся, – ответил он, вернув меня в реальность.

– Тележка полная, можно увозить, – сказал я, забрасывая последнюю горсть гравия.

Мартин взялся за ручки, приподнял телегу и покатил к железной дороге, оставив меня одного. Эта минута – мой отдых, чтоб восполнить свои силы хоть немного, пока он занят своей работой. По его возвращении мы поменяемся ролями: я буду кидать гравий, а он спокойно отдыхать. Вам, наверное, кажется, что у него работа попроще и отдых подольше, но нет, дело в том, что у тележки одно колесо, равновесие приходится держать благодаря силе рук, особенно на ухабах, ведь катить её приходится не по дороге, а по песку, траве и кочкам. Первоначально я хотел встать на его место, но Мартин меня отговорил, дав понять, что я ещё не готов для этого.

– Артур! Артур! – подбежав с тележкой, вполголоса позвал меня Мартин, пытаясь привлечь моё внимание.

– Что такое? – спросил я, посмотрев на своего соседа по камере.

– В тележку загляни, – ответил он шёпотом, дабы не привлечь внимания стражников, которые уселись в круг на по-

лянке и с видом лордов играли в карты, изредка посматривая в нашу сторону.

– О боже! Что будем делать, Мартин? – посмотрев в тележку, спросил я.

Внутри лежала раненая собака рыжего окраса, она тяжело дышала.

– Не знаю, Артур, надо помочь.

– Но как? Если заметят, нам не поздоровится.

– Нужно бы обработать раны.

– Кажется, у меня есть идея, Мартин, – ответил я, посмотрев на стражу.

Уверенным шагом я направился к ним, обдумывая план своих действий.

– Стоять, заключённый! Какого чёрта ты не работаешь?! – произнёс вставший охранник, повернувшись ко мне.

– Хочу поговорить вон с тем человеком, – ответил я, указывая на забалдевшего под лучами солнца стражника.

– Что ты сказал? – спросил опьянённым голосом тот, вставая, опираясь на руки.

– Разговор есть, говорю, оглох, что ли? – провоцируя его, ответил я.

– Ах ты собака! – крикнул он гневно, направляясь ко мне.

Нетрудно было понять, что он задумал, но и у меня был на это свой расчёт. Я кинулся на него, обхватил его руками и повалил на землю, со спины полетели удары ногами, я закрыл голову руками и сжался калачиком.

– Ну всё, хватит, потом закончим с ним, пусть продолжает работу, – сказал один из них, остановив моё избиение.

– Спасибо, сэр, виноват, сэр, голову напекло, – произнёс я, вытирая кровь с губы.

– Работать, бегом! – злобно проревел стражник.

– Да, сэр, простите, сэр, – ответил я, прихрамывая направившись к Мартину.

– Какого чёрта, Артур? Они же могли тебя убить! – ошарашенно спросил мой друг, глядя на меня.

– Ну, меня же не убили, – сплюнув кровь и улыбнувшись, ответил я.

– Зачем?!

– А вот зачем, – ответил я, доставая из-под рубахи флягу стражника, которую вытащил в момент, когда обхватил его и повалил.

– Ну ты даёшь! Это же спирт! – произнёс Мартин, понюхав содержимое.

Незаметно для стражи мы обработали раны у собаки и положили её в кусты неподалёку. Ближе к концу дня она пришла в себя и поднялась на лапы, смотря на нас из кустов. Это была очень красивая собака: рыжий окрас, высота в холке около пятидесяти пяти сантиметров, стоячие уши, длинношерстная. Так завершилась наша первая встреча с раненым гарцским лисом, старонемецкой пастушьей собакой. Благородная, смышлёная, она стояла в кустах и будто говорила спасибо, смотря нам вслед, уходящим в свою темницу...

– Открывай подвал, пора клиенту на казнь, – произнёс подошедший охранник.

– На выход, Артур Джонс! Пора! – сказал второй, отворив дверцу.

Из подвала не последовало ни единого звука; стража ожидалась, пытаясь взглянуть в темноту и продолжая кричать, чтобы заключённый выходил.

– Ну что, Гарри, давай иди, проверяй. Ох влетит нам, если он умер раньше времени, – произнёс один из них.

Стражник ещё раз взгляделся в темноту и вошёл внутрь, растворившись во мраке как дым.

– Гарри! Гарри! Что там? Не молчи! – с тревогой в голосе, подняв тон, начал выкрикивать охранник, оставшийся снаружи.

По его телу побежали мурашки, в голову полезли дурные мысли и рассказы о прошлом загадочном инциденте с подвалом. Он поднял свисток к губам и свистнул что есть мочи. Через несколько минут у подвала уже собрались констебли, охрана и начальник тюрьмы. Нашлись добровольцы, которые вошли внутрь с лампами. В первые секунды они ещё отзывались на голос начальника тюрьмы, руководившего процессом, но очень скоро быстро затихли. Вновь тайна настигла подвал и его «гостей».

– Что тут у вас произошло, что за сборище? – спускаясь по лестнице, спросил заместитель начальника тюрьмы.

– Ты где ходишь?! Почему заключённый перед смертной

казнью был заперт в подвале?! – в раздражительной форме спросил мистер Дарни, так звали начальника тюрьмы.

– Я отдал распоряжение, чтоб его заперли, он совершил нападение на сотрудника охраны, – ответил надзиратель, потрагивая ухо, заклеенное ватой с пластырем.

– Ну и на кого заключённый напал?! Хотя можешь не отвечать, сам вижу! Сколько раз тебе говорить, прекращай устраивать тут свои порядки, есть закон, и вы все должны его соблюдать! Устроили тут цирк! Рядовой, вызывайте инспектора Монза! Скажите, сложившиеся обстоятельства требуют его неотложного приезда! – произнёс громко начальник тюрьмы, то и дело поглядывая в темноту подвала.

Не прошло и часа, как Монз прибыл в тюрьму.

– Что у вас тут такое безотлагательное, что подняли меня в такую рань, не затруднитесь пояснить, Дарни? – спросил Монз, потирая руки от холода.

Сегодняшняя ночь была весьма прохладной, говоря о приближающейся ранней осени.

– Инспектор, как я рад вас видеть, вы уж простите за такую срочность, но дело в том, что всё повторилось, как и пару лет назад. Я был уверен, что стоит в первую очередь сообщить об этом вам, прежде чем вызывать комиссаров из Скотленд-Ярда.

– Кто внутри? – сухо спросил Монз, разглядывая следы крови у подвала.

– Артур Джонс, приговорённый к смертной казни за убий-

ство констебля, – ответил Дарни, наблюдая за действиями инспектора.

После слов начальника тюрьмы Монз прищурился и посмотрел на него. Инспектор подошёл к подвалу, его глаза забегали, лицо приняло гримасу испуга и немного побледнело.

– Интересно... – произнёс еле слышно Монз.

– Инспектор, могу я чем-то помочь вам?

– Да, Дарни, несите верёвку, если я не выйду через несколько минут, тяните меня назад и вызывайте комиссаров.

Принесённой верёвкой инспектор обвязал своё круглое тело, протёр запотевшие линзы и сделал шаг в темноту, с мыслью, что второго раза его сердце может не выдержать. Неожиданно в помещение вбежал помощник инспектора.

– Где инспектор Монз? Где? У меня для него результаты экспертизы по делу фермы Вандерландов, – кричал он, ища глазами инспектора среди собравшихся людей, но Монз уже растворился во мраке подвала и не отвечал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.